

В Клане Гу соблюдали установленное предками правило: члены главной ветви семьи должны были трапезничать за одним столом. По задумке, это должно было удерживать потомков от потакания наложницам и притеснения законных жен. В былые времена, пока глава Клана Гу поддерживал этот порядок, всё казалось вполне естественным. Однако теперь, когда Гу Цзинвэнь продолжал следовать этой традиции, за обеденным столом воцарилась неловкая атмосфера.

Стоило Цзи Фаню появиться на пороге, как царившая в комнате гармония тут же разрушилась, и от недавнего оживленного смеха не осталось и следа.

Гу Цзинвэнь отбросил ласковый взгляд, которым только что смотрел на Гу Хаоцина, и помрачнел. На Гу Хаояна он глядел вовсе не как на собственного сына, а скорее как на злейшего врага. Дэн Ижоу была его истинной любовью, в то время как его прежнюю законную жену, Нин Чумань, ему пришлось взять в жёны под давлением Клана Гу. По его мнению, само существование Гу Хаояна служило постоянным напоминанием о его собственном былом бессилии. Он наивно полагал, что, объединившись с другими ради уничтожения Клана Нин, сможет навсегда забыть о прошлом. Но Гу Хаоян одним своим присутствием то и дело возвращал его к жестокой правде тех дней.

Дэн Ижоу на мгновение замерла с палочками для еды в руках и, словно вовсе не замечая Гу Хаояна, положила кусочек еды в тарелку перед Гу Цзинвэнем. Встретившись с ним взглядом, она чуть смягчила выражение лица, и аура вокруг Гу Цзинвэня тоже слегка потеплела — поистине, между ними царила глубокая привязанность.

Лишь Гу Хаоцин, заметив Цзи Фаня, кивнул ему в знак приветствия. На его губах заиграла легкая улыбка, внешне изображавшая крепкую братскую любовь. При этом он прочно обосновался на своем месте и даже не думал подниматься.

— Старший брат, ты пришёл. Как твоё самочувствие в последние два дня?

Цзи Фань уселся на отведённое ему место, хотя рассадка за этим столом давно нарушала все порядки. Гу Цзинвэнь, как глава Клана Гу, вполне закономерно занимал главное место во главе стола. Дэн Ижоу была законной женой, а поскольку в этом мире левая сторона считалась более почётной, её место по левую руку от Гу Цзинвэня тоже не вызывало вопросов. Однако Гу Хаоцин устроился прямо на самом почётном месте — по правую руку от главы, ближе всех к нему. Даже младший, Гу Хаюань, сидел ниже Дэн Ижоу. Иными словами, место, доставшееся Гу Хаоцину, оказывалось самым удачным среди всех остальных.

Гу Хаоян никогда не выражал по этому поводу никаких возражений, наивно полагая, что это всего лишь семейный ужин и излишняя церемонность здесь ни к чему. Он верил, что близкие просто не придают этому значения, и даже не догадывался, что за всем этим стоял злой умысел.

— Всё в порядке.

Цзи Фань бросил быстрый взгляд на Гу Хаоцина. До появления попаданца этот самый Гу

Хаоцин был готов придушить Гу Хаояна собственными руками. Еще в раннем детстве он швырял в него камни, и в его лютой ненависти не было ни малейших сомнений.

Благодаря наставлениям Дэн Ижоу, Гу Хаоцин воспринимал Гу Хаояна и Нин Чумань как разрушителей их семейного счастья. Попаданцу, унаследовавшему все воспоминания Гу Хаоцина, не оставалось ничего другого, кроме как признать правоту этой точки зрения. И хотя со стороны подобное поведение выглядело неуважением к старшему брату, именно такая манера держаться позволяла Гу Цзинвэню находить младшего сына всё более смыслённым и понимающим, что, в свою очередь, лишь усиливало его неприязнь к Гу Хаояну.

Самое печальное заключалось в том, что Гу Хаоян всегда списывал ненависть Гу Хаоцина на детское неразумие. Но ведь разница в возрасте между ними составляла всего три года — до каких пор ребёнок мог оставаться неразумным? И если всё закончилось столь плачевно, то отчасти потому, что этот глупый по своей природе сосуд действительно не отличался умом. До тех пор, пока не открылась страшная правда о смерти матери, он абсолютно не умел защищаться от этой семьи.

Позавтракав в угнетающей атмосфере, Цзи Фань, как обычно, последовал за Гу Цзинвэнем в кабинет. Каждый день Гу Цзинвэнь устраивал Гу Хаояну проверку знаний, в основном расспрашивая о различных диковинных записках путешественников, стихах и одах. О торговле, управлении государством или военном деле не упоминалось ни слова. Стоило Гу Хаояну успешно ответить на эти вопросы, как на лице отца проступало мимолётное выражение довольства. Если же он не находил ответа, то в награду мог услышать лишь презрительное: «Ни к чему не годен!»

В результате Гу Хаоян со всем усердием налёг на изучение тех самых сборников путешествий и стихотворений, заучивая их наизусть как непревзойденные образцы классики. Он в полной мере воплотил на практике крылатую фразу о полной бесполезности учёного люда. Можно сказать, родной отец целенаправленно превратил Гу Хаояна в никчёмную пустышку.

Это до боли напоминало ту маску, которую Цзи Фань носил в современном мире, с той лишь разницей, что там всё было фальшью, а вот Гу Хаояна действительно вырастили инвалидом духа.

Во всём Клане Гу мачеха страстно желала скорой смерти пасынка, а родной отец хоть и позволял ему жить, но лишь в качестве бесполезного придатка. Сам же он большую часть времени тратил на те самые малополезные путевые заметки и лирические стихи. Он знал о каждой живописной реке и горе в этой стране, и со временем его тяга к странствиям стала поистине непреодолимой. Если бы не слабое здоровье, он наверняка давным-давно отправился бы в далёкое путешествие.

— Старший брат, надеюсь, сегодняшние вопросы отца не будут слишком сложными?

Заметив вышедшего из кабинета Гу Хаояна, Гу Хаоцин тут же поспешил к нему навстречу.

— Может, расскажешь мне заранее, о чём будет спрос? Я хоть немного обдумаю всё, прежде

чем войти!

— Отец ждёт тебя, ступай. Проверки у нас совершенно разные, так что даже если я всё тебе перескажу, толку не будет.

Цзи Фань чуть приподнял брови, а на его губах заиграла мягкая улыбка. На мгновение Гу Хаоцину показалось, что Гу Хаоянь узнал правду, и в этом мягком взгляде проскользнуло с две доли зловещего лукавства.

— Отец знал, что ты будешь ждать у дверей, так неужели он стал бы давать одинаковые задания? — успокаивающе произнес Цзи Фань, заметив смятение в глазах Гу Хаоцина. Он взял поэтический сборник из рук Люйлю и протянул его юноше. — Это же произведение вне эпохи, вобравшее в себя всю суть другого мира. Береги этот сборник. Если он разойдется вроде рукописей, глядишь, станешь великим мастером своего поколения.

Гу Хаоцин мысленно успокоился. Он-то и сам думал, что Гу Хаоян никак не мог узнать, будто их вопросы совершенно не совпадают. И дело было не только в вопросах: Гу Цзинвэнь всегда испытывал его в делах управления и торговли, а вовсе не в каких-то там странствиях или стихах.

— Старший молодой господин, вы собрались выходить? — Люйлю шла следом за Гу Хаоянем. На развилке дорог Гу Хаоян не стал сворачивать в сторону своего двора, а выбрал совсем другой путь. Для нее это казалось внове.

— Давно я никуда не выбирался, пройдуся развеюсь.

Еще пару лет назад Гу Хаоян выезжал в город, переживая за дела семейных предприятий Клана Гу. Пусть он и не разбирался в торговле, но считал, что в качестве законного старшего сына Клана Гу обязан нести это бремя. Гу Хаоцин был бестолков, а младший — еще совсем мал.

Гу Хаоян вовсе не стремился единолично завладеть делами Клана Гу, напротив, он тяготился ими как непосильной ношей. Именно в тот период Гу Цзинвэнь отчитывал его чаще всего. И он даже не подозревал, что чем сильнее старался, тем больше опасений вызывал у людей в Клане Гу.

Стоило Гу Хаоцину стать «благоразумным», как Гу Хаоян с легким сердцем бросил это дело, позволив Гу Хаоцину без труда подхватить все бразды правления. Только это и успокоило Дэн Ижоу. Иначе, не успей он узнать правду о гибели собственной матери, он бы и сам давным-давно последовал по ее стопам.

Последние два года он целиком посвятил себя чтению тех самых записок о дальних странствиях, стихов и оды, почти уверовав, что выход из дома — пустая трата времени. Сущий затворник из древности.

— Старший молодой господин, подождите. Возьмите с собой слугу, так будет гораздо удобнее.

Люйлю закусила губу. Хотя она и была служанкой, отвечавшей за повседневный быт и трапезы старшего молодого господина, ей не положено было неотступно следовать за ним повсюду. Обычно с хозяевами выходили именно мальчишки-слуги. Если молодому господину понадобится что-то купить, они всегда пригодятся. К тому же есть такие места, куда девушкам ступать не положено, а вот мужчины их любят донельзя... — Не нужно, я просто прогуляюсь по семейным

владениям, слуги мне не нужны.

С этими словами Цзи Фань переступил порог просторного поместья Клана Гу и вышел на улицу.

Люй Лю немного замялась, закусила губу, а затем бросилась в кабинет. Ей нужно было сообщить второму молодому господину и главе дома, что старший молодой господин ушел.

Цзи Фань направился вовсе не во владения Клана Гу — сперва он неспешно обошел всю улицу целиком.

Сложив общее представление о торговой улице, он наконец направился к одному из ресторанов Клана Гу. Едва переступив порог, он заметил группу девушек в одеждах весьма причудливого покроя. Если бы он не был готов к подобному заранее, то подумал бы, что забрел в какой-то бордель. К счастью, этот Гу Хаоцин всё же имел некоторое представление об accepted местных социальных условностях и не стал копировать униформу официанток подчистую: здешние платья были лишь слегка приталенными, подчеркивая изящные женские фигуры в самый раз, при этом не обнажая ни дюйма кожи.

В эту эпоху подобные заведения определенно привлекали всеобщее внимание, особенно со стороны мужчин, дорожавших своей репутацией. Здесь можно было полюбоваться красавицами, не посещая при этом те зланные места, одно название которых говорит за себя.

Заметив появление Гу Хаояна, управляющий на секунду замер, собираясь уже броситься навстречу. Цзи Фань едва заметным движением взмахнул рукавом и направился прямо к столику у окна. Управляющий, раз уж сумел удержать свое место, определенно обладал толикой ума и сообразительности, поэтому не стал навязываться.

Цзи Фань выбрал довольно уединенное место. На его взгляд, оно было просто прекрасным: устроившись у окна, стоило лишь чуть опустить голову, как открывался вид на уличную суету. Впрочем, сейчас у него не было настроения любоваться пейзажами — все его внимание было приковано к происходящему внутри ресторана. Он слегка надавил рукой на столешницу, и круглый стол плавно закрутился, издав едва слышный скрип. Верно, это был вращающийся круглый стол. Настоящее прорывное творение эпохи.

Очевидно, его тоже создал какой-то могущественный умелец. В те времена круглые столы вовсе не были редкостью, но вот способность вращаться... Пусть он и усовершенствовался по сравнению с современными аналогами — те-то крутились совершенно бесшумно, — но даже такое исполнение уже способно было поразить ничего не видевших людей древности. Те благородные мужи, что пеклись о манерах и не желали тянуться через весь стол за отдаленными блюдами, должны были прийти от подобной задумки в полный восторг! На верхних этажах располагалось еще несколько отдельных кабинетов, призванных удовлетворить запросы людей с высоким социальным статусом. Некоторым всегда нравилось во всем демонстрировать свое превосходство над остальными. В этом ресторане существовал даже третий этаж — его Гу Хаоцин оставил исключительно для себя, а также выделил там особые

ВИП-кабинеты для самых почтенных гостей. Именно это он искренне считал истинной роскошью и знаком элитарности. Причем этот статус исходил лично от него, Гу Хаоцина, что доставляло ему немало самоудовлетворения.

Стоило ему только сесть, как тут же подошла служанка и подала искусно оформленное меню. Для его создания он специально нанял немало ученых мужей и литераторов, чтобы они нарисовали меню и написали описания особенностей каждого блюда, — на это поистине было потрачено немало сил и душевного тепла.

Небрежно заказав несколько блюд, которых в памяти Гу Хаояня не было и в помине, но которые Цзи Фань знал до боли хорошо, он уселся у окна в ожидании. Судя по всему, статус молодого господина из клана Гу давал ему особые привилегии: еду подали очень быстро.

Цзи Фань взял палочки и попробовал одно из блюд. К «Золотому пальцу» главного героя он относился весьма благосклонно: для большинства людей этого мира такие кушанья казались необыкновенно новыми, и едва ли не каждый посетитель ресторана считал своим долгом их отведать. Однако едва еда коснулась его губ, Цзи Фань тут же уловил изъяны в приготовлении. Перенеся палочки на другую тарелку, он последовательно попробовал каждое из заказанных кушаний.

Кем был Цзи Фань? Вторым молодым господином из клана Цзи! Известным и богатейшим торговцем в столице страны Z. Ни кругозор, ни жизненный опыт Гу Хаоцина, обычного домашнего затворника, не шли с ним ни в какое сравнение. Всё, что доводилось пробовать Гу Хаоцину помимо домашней еды — это разве что фирменные блюда каких-нибудь заурядных харчевен. Цзи Фань же, даже трапезничая дома, наслаждался исключительно кулинарным искусством именитых поваров. Разве может одинаковое блюдо, приготовленное мастером столичного уровня и обычным поваром, иметь тот же вкус? Не зря говорят: потеряешь малость — упустишь тысячу ли, так оно и было.

— Тоже считаешь, что чего-то не хватает?

Цзи Фань только опустил палочки, как услышал мужской голос. Всего одна короткая фраза позволяла с первого же мгновения прочувствовать всю индивидуальность говорившего. У мужчины был довольно густой, бархатистый голос, а в переливах интонаций таился особый внутренний ритм. Речь звучала строго, но без малейшей заученности — напротив, она заставляла невольно мысленно возвращаться к услышанному. Стоило хоть раз услышать такой голос, и забыть его уже было невозможно.

Цзи Фань скосил глаза на соседа за соседним столиком. Прежде всего его привлекло не лицо незнакомца, а его одежда из ткани цвета морской волны. Одежда человека — один из важнейших способов распознать его статус. Приглушенный, сдержанный цвет не мешал разглядеть тончайшую работу швов и тщательно вышитый узор в тон.

Даже в реальной жизни — в том главном мире, о котором говорила система, — самыми дорогими одеждами считались изделия ручной работы, а не всемирно известные бренды. У

самого Цзи Фаня было немало нарядов от именитых мастеров, особенно парадных костюмов для приемов. Одежда же этого мужчины ничуть не уступала его собственным вещам. Клан Гу, будучи весьма известным торговым родом в Цзяннани, одевался неплохо, но до одеяний этого человека им было далеко.

Позади мужчины стояло несколько телохранителей, которых легко было принять за часть интерьера. Обычный человек мог бы просто не обратить на них внимания, но Цзи Фань не стал бы совершать столь глупую ошибку. В его глазах даже простая пешка должна занимать свое строго отведенное место. Не говоря уже о том, что эти люди, судя по всему, были чрезвычайно сильны.

Они были облачены в черные одежды, и кроме одного человека, стоявшего совсем близко к господину, все остальные скрывались в тени. Их взгляды то и дело обращались к дверям постоянного двора, и стоило кому-то войти снаружи, как они были бы готовы мгновенно отреагировать. Подобная бдительность никогда не свойственна простым людям.

Наконец взгляд Цзи Фаня на мгновение задержался на лице мужчины. Черты незнакомца несли на себе печать некой агрессивной мужественности. Пара красивых фениксиных глаз вовсе не казалась чувственной. Лицо выглядело гораздо более волевым, чем его собственное, а пропорции черт были безупречны: убавь хоть каплю — мало, прибавь — уже избыток. Точно так же, как и его голос, этот человек оставлял неизгладимый след в памяти.

В этот момент в устремленном на него взгляде читался живой интерес, однако мягким его назвать было нельзя. Скорее, это был взгляд зрителя, увидевшего на сцене любопытное представление.

Происхождение этого человека должно быть поистине высочайшим. Цзи Фань быстро отыскал в памяти нужные сведения. Янь Сянфэй, бывший регент, а ныне дядя правящего императора. И хотя сейчас он странствовал по свету, наслаждаясь жизнью, его слово по-прежнему имело огромный вес при дворе. Юный император, воспитанный им, почитал его как наставника и отца. И этот же человек являлся одним из главных благодетелей Гу Хаоцина.

Судя по всему, именно эти изысканные блюда свели его с Гу Хаоцином впервые, и именно он назвал их вкусовые качества несовершенными...

— И правда, не хватает очень многого.

Цзи Фань отвел взгляд и бросил беглый взор на расставленные по столу угощения. Вслух он произнес не то, что еда уступает самую малость, а то, что разница колоссальна. В этой вымышленной эпохе специи уже ничем не отличались от современных, вот только сами блюда сильно хромали. Впрочем, всё это было заложено автором.

— Например, это блюдо — острый и пряный речной рак. В «Записках о древних краях» упоминалось, что в южных городках у рек и озер принято готовить раков с перцем и другими жгучими приправами, и вкус у них получается ярким, пряным и насыщенным. Здесь же

остроты и пряности с избытком, а вот насыщенности вкусу явно недостает.

Упомянутые Цзи Фанем путевые заметки, разумеется, входили в число тех книг, которые прочел Гу Хаоянь. Авторы подобных сочинений обычно исходили вдоль и поперек немало земель и перепробовали уйму местных деликатесов. Если какая-то еда особенно западала им в душу, они непременно упоминали ее в своих записках. А откуда, спрашивается, берутся знаменитые современные блюда в разных уголках страны, как не из развития традиционной местной кухни?

Интересно, если Гу Цзинвэнь узнает, как именно он использует эти путевые записки, не разозлится ли он настолько, что захочет переписать всё заново? Вплоть до того, чтобы запретить ему читать даже географические трактаты и стихи.

— «Записки о древних краях»? Пожалуй, стоит взглянуть, — кивнул Янь Сяньфэй.

— Если почтенный господин желает отведать подлинных кулинарных изысков, ему стоит не сидеть на месте, а постранствовать повсюду. Истинный вкус живет вовсе не в императорских дворцах и не в роскошных ресторанах, а в скромных хижинах простого люда, среди сотен тысяч обычных людей.

Бросив эти слова, Цзи Фань поднялся из-за стола — задерживаться в ресторане он больше не собирался.

Ему предстояло проверить, во что именно превратились другие предприятия клана Гу под управлением Гу Хаоцина. В сюжете об этом упоминалось вскользь, причем подавалось всё исключительно с точки зрения самого Гу Хаоцина, что не могло сравниться с личным осмотром.

Глаза Янь Сяньфэя слегка сузились. Юноша держался просто и независимо, а его манера выражаться напоминала заезжего философа. Управляющий относился к нему с исключительной осторожностью, за еду при выходе он не платил — всё говорило о том, что юноша тесно связан с этим рестораном, но при этом совсем не походил на человека мира сего. Он прекрасно видел недостатки местных блюд, но, казалось, вовсе не горел желанием распространяться об этом...

Подняв со стола чашку с чаем, мужчина сделал глоток, смывая остатки еды, которая казалась ему недостаточно совершенной.

Медленно выдохнув, он обронил всего два слова:

— Любопытно...

Цзи Фань покинул ресторан и отправился осматривать другие предприятия клана Гу. Точно

так же, как и ресторан, прочие дела семьи претерпели немало изменений по сравнению с прежним укладом.

Постоялый двор. По сути, постоялый двор мало чем отличался от ресторана. Но если в ресторане упор делался на кулинарию, то здесь все силы бросили на внутреннее убранство. Особенно это касалось комнат высшего разряда: их изысканный интерьер был способен буквально ослепить любого местного жителя. Огромные широкие лежа, столь привычные в современности, для людей этой эпохи казались редкостным чудом. Постарались и над удобством: поскольку пружинных матрасов здесь не водилось, Гу Хаоцину оставалось лишь накладывать горы перин и одеял, чтобы добиться мягкости. В глазах окружающих это выглядело безумным излишеством и транжирством. Зато и стоимость проживания в таких люксовых номерах оказалась весьма впечатляющей.

Магазин тканей. Качество шелка ручной работы, само собой, не вызывало никаких нареканий. Гу Хаоцин явно остался этим доволен и ломать устоявшийся порядок не стал. Скорость ткачества была крайне ограничена, и тут он действительно ничего не мог поделать. Он прекрасно знал, что в современном мире ткани производятся на ткацких станках огромными партиями, но у него-то не было возможности смастерить такой станок! Зато он перестроил лавку на манер современного магазина одежды, выставив напоказ готовые наряды. Такие диковинные платья и костюмы, висящие на всеобщее обозрение, привлекали внимание гораздо сильнее, чем просто отрезки материи.

Разумеется, готовая одежда шилась из собственной ткани с добавлением неких авторских дизайнерских элементов. В отличие от униформы ресторанных официанток, здешние модели куда сильнее подстраивались под господствующий в эту эпоху стиль одежды. То небольшое, что он в них привносил, ограничивалось кружевами, кистями и прочими эффектными мелочами, способными сразу броситься в глаза. Немало собственных идей он высказал и в отношении вышивки. Нынешнюю лавку тканей уже трудно было назвать простой лавкой — скорее, это было полноценное ателье по пошиву одежды. Материи для личных нужд уходило гораздо больше, чем шло на продажу, и даже при этом ее вечно не хватало. Иногда приходилось докупать ткань в других лавках. Бывали и клиенты, которые приносили собственные материалы.

Кроме того, он полностью переоборудовал одну из ломбардов, превратив ее в лавку косметики и благовоний. Будучи человеком современным, Гу Хаоцин, естественно, не мог кардинально изменить саму суть ломбардного дела, ведь успех в этом бизнесе целиком зависел от чутя управляющего. В глазах Гу Хаоцина почти всё здесь являлось антиквариатом, и лезть со своими советами в эту сферу он не имел права. Не сумев установить полный контроль над ломбардом, Гу Хаоцин попросту сменил сферу его деятельности. Если бы дело ограничивалось одними лишь благовониями и румянами, его бы это точно не устроило. Продавай он то же самое, что и остальные лавки, получаемая прибыль всё равно оставалась бы весьма скромной.

Используя воспоминания из прошлой жизни, Гу Хаоцин приспособился делать из лепестков цветов самые разные ароматические духи. Эти духи не резкие, но при этом ненавязчиво приковывающие к себе внимание окружающих, быстро завоевали огромную популярность у женщин. Не зря говорят, что женские деньги зарабатывать проще всего, и это чистая правда. Даже в эту эпоху, когда благовоспитанные дамы редко покидали дом, духи разошлись по рукам с поразительной скоростью. Вовремя же «изобретенное» Гу Хаоцином мыло точно так же

сметали с прилавков в мгновение ока.

И наконец, лупанарий... Разумеется, на первый взгляд это заведение не имело никакого отношения к клану Гу, и правду знали лишь немногие приближенные внутри семьи. Гу Хаоцин не только обучил здешних девиц современному искусству макияжа, способному творить чудеса и преображать самую заурядность, но и помог тем, кто от природы был неплох собой, засиять так, что от них невозможно было отвести глаз.

<http://bllate.org/book/21685/2236745>